

М.ЮДОВСКИЙ

Армейские байки
часть 2

Армейские байки.

Часть вторая

Михаил Юдовский

По дороге в Дом Офицеров лейтенант меня спрашивает:

– Ты откуда родом?

– Из Киева, – отвечаю.

– О! – говорит лейтенант. – Да мы земляки! Я из Закарпатья. Начпо тоже с Западной Украины.

– Начпо – это фамилия? – спрашиваю.

Лейтенант остановился, поглядел на меня изумленно и говорит:

– Ты с ума сошел? Или это ты так юморишь?

– Что вы, – говорю, также останавливаясь. – Я не умею юморить. У меня чувства юмора нет.

– Начпо, – поясняет летеха, подозрительно глядя на меня, – это начальник политотдела.

Слово «политотдел» тебе тоже расшифровать?

– Нет, – отвечаю, – тут у меня есть догадка. Это политический отдел, верно?

– Верно. Ладно, пошли.

Шагаем мы дальше. После небольшой паузы летеха вдруг говорит:

– Какое-то у меня нехорошее предчувствие. Кажется, мне поручили доставить в Дом Офицеров бомбу замедленного действия...

С художником Дома Офицеров мы познакомились в блиц-режиме:

– Привет.

– Привет.

– Миша.

– Дима.

– Киев.

– Питер.

– Вы закончили? – осведомился лейтенант. – Теперь за работу. К утру всё должно быть готово. Я загляну часа в четыре ночи, чтоб вы тут сами знаете что не пинали.

После его ухода я спрашиваю Диму:

– Что, прям сразу за работу?

– Нет, конечно, – отвечает тот. – Сперва чаю попьем, потом покурим. А там уже...

– Знаешь, – говорю, – мне тут начинает нравиться. С тобой, кажется, приятно иметь дело.

С оформлением к празднику мы справились вовремя и неплохо. Утром вышел я на крыльцо Дома Офицеров, присел на ступеньки и закурил, прищурившись от солнца. Вдруг слышу чей-то голос:

– Солдат, почему не встаем, когда офицер подходит?

Открываю глаза – передо мной стоит капитан лет тридцати. Встаю с сигаретой в руке.

– Ты кто такой? – интересуется капитан.

– Я – Миша, – отвечаю невинно.

– Чего? Какой еще Миша?

– Юдовский.

– Допустим. Ты что тут делаешь, Миша Юдовский?

– Художничаю. Помогаю к празднику оформлять.

– Я вижу, что художничаешь. Новенький художник, значит... А я, с твоего позволения, капитан Траханчук, начальник Дома Офицеров. Почему честь не отдаем, Миша Юдовский?

– Да это, – говорю, – как-то не по-мужски. Не по-солдатски.

– Чего? – изумляется капитан.

– Девиз такой есть, – поясняю. – Жизнь – Родине, честь – никому.

– Так, – говорит капитан, – иди-ка ты, Миша Юдовский... в художку. И жди начальника политотдела. Иначе жизнь Родине ты у меня отдашь прямо сейчас.

Начальнику политотдела, видимо, понравилось мое соучастие в оформлении праздника и меня оставили при Доме Офицеров. Я отправился на ознакомительную экскурсию по новому месту службы, затем вернулся в художку. В художке сидел за столом мой напарник Дима, а над ним возвышался, стоя ко мне спиной, какой-то тип в парадной форме.

– Чем занимаемся? – спрашивает тип.

– Онанизмом, – отвечаю рассеянно.

– Чего? – Тип в парадке повернулся ко мне, оказавшись начальником Дома Офицеров.

– Личной гигиеной, – на всякий случай поправился я.

Начальник Дома Офицеров нехорошо поглядел на меня, затем на Диму и говорит ему:

– Объясни своему коллеге, что бороться надо постепенно. А то он влетел сюда пулей, а вылетит снарядом.

После его ухода Дима говорит:

– Мы, вообще-то, не Трахану подчиняемся, а начпо. Но он, как ни крути, капитан и начальник Дома Офицеров. Ясен перец, что хочется его нахер послать. Но ты же, кажется, интеллигентный мальчик. Посылай культурно.

Из солдат кроме меня и Димы в Доме Офицеров служил водитель, мой тезка, родом из Удмуртии, который на днях должен был демобилизоваться. Наконец, этот день наступил. Рано утром я и Дима идем провожать его на автобусную остановку. Тут появляется какой-то старлей.

– Начальник гауптвахты старший лейтенант Свинцов, – представляется он. – Что здесь делаем, солдаты?

– Друга на дембель провожаем, – отвечаю.

– А увольнительные имеются?

– Да мы из Дома Офицеров, – пытается объяснить Димы. – Художники.

– Мне по барабану откуда вы. Увольнительные. Или маршрутные листы.

– Да нет у нас ничего. Мы же друга провожаем.

– Читайте, что проводили. А сейчас я вас провожу. На гауптвахту.

– Товарищ старший лейтенант, – говорю, – да будьте ж вы человеком...

– Человеком? – свирепо уставился на меня старлей. – Ты кому это говоришь, солдат? Офицеру Советской Армии?

Заместителем начальника Дома Офицеров был пожилой майор Полупанов, маленький и невзрачный, доживающий на этой тихой должности дни до пенсии. Обретался он в гримерке Дома Офицеров, играл на балалайке, разговаривал негромко и невнятно, выглядел помято, точно перебрал накануне, хотя спиртным от него никогда не пахло. Молодой начальник-капитан относился к пожилому заместителю-майору с откровенным презрением.

Однажды Полупанов заявился к нам в художку с балалайкой и пожелал развлечь нас музицированием.

– Играйте, товарищ майор, – говорю. – Ничего, что мы дальше рисовать будем?

– Ничего, – отвечает тот. – Рисуйте. Рисуйте, рисуйте... Вы мне совершенно не мешаете...

Во время одного из таких «концертов» в художку нагрянул капитан Траханчук.

– Товарищ майор, – брезгливо обратился он к заместителю, – что вы тут за филармонию устроили? Заняться нечем? Поднимитесь ко мне в кабинет. Я сейчас приду.

Когда Полупанов вышел, Траханчук строго глянул на нас и говорит:

– И вы тут тоже... Я смотрю, вы в мое отсутствие не делом занимаетесь, а идиотизмом.

– Ну, что вы, товарищ капитан, – отвечаю. – Какой может быть идиотизм в ваше отсутствие.

Лежим на травке за Домом Офицеров, наслаждаемся майским солнцем. Тут, как всегда некстати, объявляется капитан Траханчук со своим излюбленным вопросом:

– Чем занимаемся?

– Работаем, – отвечаю.

– Чего?

– Изучаем цвета и оттенки неба.

– Не понял.

– Ну, мы же, типа, художники, – поясняет Дима.

– Вы не «типа, художники», – заявляет Траханчук. – Вы, типа, оборзели. Встать!

Встаем.

– Ко мне бегом марш.

Подходим к нему шагом.

– Я сказал – бегом! На исходную позицию.

Возвращаемся обратно.

– Ко мне – бегом марш!

Снова неторопливо подходим.

– Понятно, – говорит Траханчук. – Ты, – указывает он на Диму, – шагом марш на гауптвахту. Доложишь, что начальник Дома Офицеров велел посадить тебя на три дня.

– А я? – спрашиваю.

– А ты – работать!

– Я не хочу работать. Мне одному скучно. Я тоже на губу хочу.

Капитан посмотрел на меня, прищурившись, и говорит:

– Еще побываешь. В чем-то я, может, сомневаюсь, а в этом – нет.

Дима пробыл на гауптвахте около получаса, потому что минут через пятнадцать после конфликта в Дом Офицеров явился начальник политотдела.

– Не понял, – говорит. – А где второй художник? Этот... Дима?

– На губе, товарищ подполковник, – отвечаю.

– Как это на губе?

– Товарищ подполковник, – робко вмешивается Траханчук, – это я велел его туда... Он, товарищ подполковник, вконец оборзел.

– Это ты, капитан, вконец оборзел, – поворачивается к нему начпо. – Ты что, рисовать научился?

– Никак нет.

– Так какого же хера ты, товарищ капитан, моими художниками распоряжаешься? Я б тебя самого за ним на губу отправил, но не хочу при солдате унижать. Эээ... Миша, сходи

за эээ... за Димой. Скажешь, начальник политотдела приказал, чтоб его отпустили. Иначе сам придет и всю губу на губу посадит. Чего улыбаешься?

– Да так, – говорю. – Губу на губе представил.

– И что?

– Получается закрытый рот.

– Вот именно, – говорит начпо. – Так что закрой свой собственный и выполняй приказ, а то я вас с Димой местами поменяю.

Прихожу на гауптвахту, передаю распоряжение начпо. Меня отводят наверх, где местный парикмахер обскубывает Диму машинкой, а неподалеку сидят еще несколько солдат.

– Кто последний? – спрашиваю.

Парикмахер зыркнул на меня исподлобья и продолжил свой труд. Я подождал еще немного и говорю:

– Слышь, цирюльник, кончай работу. Его по приказу начальника политотдела освободили. Человеку сейчас к начпо, а ты из его головы кочерыжку сделал.

Выходим из здания гауптвахты, Дима говорит с досадой:

– Чего ж ты его сразу не остановил?

– Хотел посмотреть, как тут стригут, – отвечаю.

– Сволочь ты, – заявляет Дима. – Даст Бог, меня за тобой на губу пошлют, так я дождусь, пока тебе целиком бошку отрежут.

От политотдела нашу художественную деятельность контролировал Валера Ратушняк – тот самый лейтенант, что доставил меня в Дом Офицеров. С ним мы поладили. В отличие от начальника Дома Офицеров он, забредая к нам, не спрашивал, чем мы занимаемся, а утверждал:

– Снова хуи пинаете.

– Так точно, товарищ лейтенант, – отвечаю как-то. – Наши, правда, закончились. Хорошо, что вы со своим пришли.

Однажды лейтенант Ратушняк, будучи в благодушном настроении, говорит мне:

– Слышь, земляк-хохол, ты украинские песни знаешь?

– Знаю, – отвечаю. – «Хава нагилу».

– Какую еще «Хава нагилу»?

– Обыкновенную. Я, вообще-то, еврей, а не хохол.

Ратушняк изобразил печальную мину и спрашивает:

– Родным уже сообщили?

Как-то заходит Валера Ратушняк к нам в художку с необыкновенно важным видом. Молча прохаживается по комнате.

– Вам чего, товарищ лейтенант? – спрашиваю.

– Не лейтенант, борзота, – отвечает Валера, – а старший лейтенант!

И поворачивается так, чтоб мы видели его погоны.

– Уж ты! – говорю. – Поздравляю. Только вам эту звездочку нужно обратно срезать.

– Это еще зачем? – подозрительно интересуется Валера.

– Затем, – отвечаю, – чтоб из вас лишний воздух вышел.

Начальник Дома Офицеров купил себе новый телевизор и напряг меня с Димой перетасщить старый из квартиры в его кабинет. Несем телевизор через гарнизон, на полпути останавливаемся передохнуть. Гляжу – идет мой полковой начальник по физподготовке.

– Слышь, Дим, – говорю, – приближается редкий кадр. Подыграй мне, только не задавай вопросов.

Разматываю телевизионный шнур и втыкаю штепсель в землю. Тут подходит начфиз.

– Ну чё, – спрашиваю громко у Димы, – есть изображение?

Дима, судя по всему, хотел сперва поинтересоваться, не двинулся ли я мозгами, потом до него дошло и он так же громко отвечает:

– Нету.

– Пощелкай, – говорю, – переключателем.

Дима пощелкал и говорит:

– Всё равно нету.

– Наверно, кинескоп накрылся, – произношу задумчиво.

Начфиз останавливается рядом с нами и спрашивает:

– Чем это вы тут занимаетесь, бойцы?

– Здравья желаю, товарищ старший лейтенант, – отвечаю.

– Здравья желаю. Повторяю вопрос: чем занимаетесь?

– Да вот, – говорю, – несли телевизор в Дом Офицеров, а у него внутри что-то хрустнуло.

Решили проверить, работает он или нет. Видите, всё сделали как положено, штепсель заземлили, переключателем щелкаем, а изображения нету.

Начфиз смутно ощущает, что здесь что-то не так. Потом вдруг спрашивает:

– А вы кнопку «вкл» нажали?

– Дима, – говорю строго, – ты кнопку «вкл» нажал?

– Ой, блин, – говорит Дима, – забыл...

– Специалисты, – презрительно роняет начфиз. – Переключателем они щелкают...

Отойди, боец.

Он садится на карточки и нажимает кнопку включения. Я подождал несколько секунд и спрашиваю:

– Ну как, есть изображение?

– Нету, – отвечает начфиз.

– Значит, кинескоп накрылся, – вздыхаю. – Или предохранитель полетел. Ладно, Дим, наше дело донести. Потасили дальше.

И вытаскиваю штепсель из земли.

– Эй, бойцы, – подозрительно говорит начфиз, наблюдая за моими манипуляциями. – Как это вы штепсель... в землю? Его ж в розетку втыкают!

– Понятно, что в розетку, – отвечаю. – Так ведь нет розетки, товарищ старший лейтенант.

Пришлось заземлить.

– Ну, заземлить, понятно, да... Какое заземлить? Тут же электричества нет! Я с вас хренею.

Начфиз покачал головой, развернулся и зашагал прочь, бросив напоследок:

– Екарный бабай, это ж если кому рассказать, какие идиоты в армии служат – не поверят!

После того, как майора Полупанова отправили на пенсию, заместителем начальника Дома Офицеров назначали майора Скляра, служившего до того замполитом саперного батальона. Майор Скляр был двухметрового роста амбалом с пудовыми кулаками и добродушным характером. Выходя из кабинета начальника Дома Офицеров, он демонстративно сгибался, потирал задницу и говорил:

– Где ж это видано – молодой красивый капитан имеет старого заслуженного майора.

Во время дискотек, которые устраивались в фойе Дома Офицеров, капитан Траханчук запирался у себя в кабинете, а майор Скляр дежурил внизу. Однажды вынес под мышками двух хулиганов. Шпана его побаивалась. При этом сам майор жаловался, что в последнее время ослабел.

– Раньше, – рассказывал он, – дашь какому-нибудь мудаку в рыло – полчаса, как убитый, лежит. А теперь полежит минут десять – и снова как огурчик...

Начальник политотдела отправил нас оформлять ленкомнаты в танковом батальоне, который находился на окраине гарнизона у самого леса. Маршрутных листов нам по-прежнему не успели оформить, так что походы туда и обратно мы проделывали на свой относительный страх и риск.

Однажды возвращаемся в Дом Офицеров, и на пути нас перехватывает патруль во главе с небезызвестным начфизом моего полка.

– Увольнительные! – требует он.

Объясняем, кто мы, откуда и с какой целью.

– Маршрутные листы! – требует начфиз.

Отвечаем, что нету.

– Понятно, – говорит начфиз. – Вопрос такой: если мы вас на гауптвахту отведем, вас ведь всё равно освободят?

– Естественно, – отвечаем.

– Тогда снимайте ремни, передайте патрульным и пошли на гауптвахту.

– И где же логика? – спрашиваю удивленно.

– Какая еще логика? – отвечает начфиз. – Увольнительные есть? Нет. Маршрутные листы есть? Нет. Вас освободят? Освободят. Снимайте ремни и пошли на гауптвахту.

– Я ремень не сниму, – говорю. – У меня штаны падают.

– При чем тут штаны? – удивляется начфиз. – У тебя ремень на кителе.

– А китель на штанах.

Начфиз поворачивается к Диме:

– У тебя тоже штаны падают?

– Нет, – отвечает тот. – Я их в сапоги заправляю.

Начфиз подумал и говорит:

– Ладно, идите в ремнях. Вот, блин, солдаты... Штаны у них в сапоги падают. А еще про логику что-то говорят.

По дороге на гауптвахту патрульный-начфиз вдруг говорит:

– А я вас узнал. Это ж вы штепсель от телевизора в землю втыкали.

– Мы, – отвечаю. – А вы на нем кнопку «вкл» нажимали.

Не знаю, что на это собирался ответить начфиз, но тут мы поравнялись с Домом Офицеров, и из окна второго этажа очень вовремя выглянул майор Скляр.

– Эй! – окликнул он нашу компанию. – Это что за цирк?

– Это наши новые друзья, – отвечаю. – Они нас до Дома Офицеров проводили. Мальчики, познакомьтесь с товарищем майором.

– Я сейчас спущусь, – говорит майор Скляр, – и точно со всеми перезнакомлюсь. Вы куда их ведете?

– На гауптвахту, – отвечает начфиз.

– Ты чё, старлей, беленой опохмелился? – спрашивает Скляр. – Какую еще гауптвахту? Это художники политотдела!

– А где их маршрутные листы?

– А где твоя справка из психбольницы? Таких людей надо знать в лицо! Или ты действительно хочешь, чтоб я спустился?

Мы с Димой переглянулись и, не дожидаясь окончания интересной беседы, скрылись в Доме Офицеров. После этой истории нам, наконец-то, сделали маршрутные листы.

Оформляем очередную ленкомнату в танковом батальоне. Вдруг появляется мой полковой замполит майор Филиппов, издав при виде меня торжествующий вопль:

– Ну, наконец-то! Наконец-то я тебя нашел! Пойдем, милый, со мной.

И, ухватив меня за талию, тащит к выходу.

– Товарищ майор, – говорю. – Я здесь, вообще-то, по приказу начальника политотдела.

– Знаю, знаю... Владимир Иванович сегодня в Краскино уехал. Он же не обидится, если ты один денек поможешь родному полку и любимому замполиту?

– Дима, – говорю, – передай кому надо, что меня похитили. Ты запомнил приметы преступника?

– Запомнил, – отвечает Дима. – Передам. Не бзди.

Замполит, не выпуская моей талии, ведет меня через весь гарнизон, щебеча от восторга.

– Товарищ майор, – говорю, – вы меня так нежно обнимаете, что люди завидовать начнут.

– Кому завидовать? – улыбается замполит. – Тебе?

– Нет, – отвечаю, – вам.

Замполит приводит меня в клуб, где у стены стоит готовый к работе стенд, а рядом с ним – кисти и краски.

– Сейчас придет начклуба, – говорит замполит. – Он тебе объяснит, что нужно делать. И очень тебя прошу, Мишенька, родной, не вздумай смыться, зараза.

– Ну, что вы, товарищ майор, – отвечаю. – Смывается только говно в унитазе.

Замполит ушел, а из кабинета пропагандиста появился солдат – кстати, из моего дивизиона, из третьей батареи, по имени – если не ошибаюсь – Вадик.

– О, – говорит, – привет.

– И тебе того же, – отвечаю. – А что, все клубные уже на дембель ушли?

– Все. И Костик, и Андрюха. Последним Артур ушел. Его Чаркин отпустить не хотел – где, говорит, я еще писаря с таким красивым почерком найду? Артур ему: товарищ подполковник, отпустите, а то я вам всё нарочно с ошибками писать буду. А Чаркин ему: пиши, Артурчик, пиши, бляха. Может, если нарочно с ошибками писать начнешь, хоть раз в жизни грамотно напишешь.

– А ты теперь вместо него?

– Получается, так.

– Ну, раз получается, угости меня чаем, покурим и я пойду.

– Как это пойдешь? – удивляется Вадик. – Куда?

– В Дом Офицеров, естественно. В клубе свои художники должны быть.

– А замполиту что сказать?

– А замполиту скажи, что приказ вышестоящего отменяет приказ нижестоящего. И, главное, передай ему, что я не смылся, а гордо удалился.

После танкового батальона нас перебросили на ленкомнаты ОБМО (отдельного батальона материального обеспечения). Здание батальона, стоявшее посреди леса, было не заселено, несколько солдат под присмотром офицеров занимались отделкой помещений. Замполитом в ОБМО служил майор Пундель, необычайно полный, внешне добродушный и на редкость оборотистый, за что ценился в политотделе. Начальник политотдела, препоручая нас его заботам, коротко бросил:

– Ты, майор, приглядывай за ними.
– Не волнуйтесь, товарищ подполковник, – ответил Пундель. – Прослежу, обеспечу, будут как сыр в масле кататься.
– Как раз об этом они сами позаботятся, – усмехнулся начпо. – Ты лучше проследи, чтоб к ним не слишком много масла приставало.

С майором Пунделем мы легко нашли общий язык, с местными солдатами быстро сдружились. Единственным, кто невзлюбил нас, был помощник Пунделя, капитан Балдаев родом из Бурятии. Иногда, не зная к чему придраться, он следил, как мы орудуем плакатными перьями, и ронял какое-нибудь идиотское замечание, вроде:

– Почему вместо букв одни палочки рисуем?
– Сначала пишется вертикальная часть букв, – терпеливо пояснял Дима. – Потом горизонтальная и закругления.
– Не надо этих горизонтальных-вертикальных закруглений, – отрезал капитан Балдаев. – Надо как положено.
Однажды спрашивает:
– А почему пишете не красным и черным, а коричневым и серым?
– Так красивей, – отвечаю. – Спокойней смотрится.
– А не надо спокойней! – заявляет Балдаев. – Тут армия! Тут воинская часть! А ленинская комната – сердце этой части! Она возбуждать должна!
– Товарищ капитан, – говорю, – не всем же дано возбуждаться от ленинских комнат. Некоторые возбуждаются от другого.

В лесу, в нескольких сотнях метрах от ОБМО, протекала речка, куда мы ходили купаться. Иногда даже приглашали на эти купания знакомых девушек из гарнизона. Как-то одна из них явилась мрачная, заявила, что купаться сегодня не будет и что ей вообще надоели эти оргии.

– Ты чего, Ленка? – удивился я. – И что за слово – оргии?
– Не Ленка, в Елена Георгиевна, – высокомерно уточнила она.
– Отец Георгий против оргий? – спрашиваю.
– Идиот, – говорит она. – Тебе нужно элементарные вещи объяснять?
– Какие вещи?
– У девушек, – ядовито поясняет она, – если тебе неизвестно, бывают такие дни... когда их лучше не трогать.
– Подумаешь, – говорю, – дни. У солдат таких дней целых два года. А их всё равно трогают.
– Ты что, издеваешься? Не понимаешь, что у меня месячные?
– Тоже мне проблема, – вмешивается Дима, – месячные. Вот не будет у тебя месячных, тогда и станешь беспокоиться.

Один раз мы привели девушек прямо в ОБМО – показать свое рабочее место. По закону подлости нарвались на капитана Балдаева.

– Это что такое? – возмущенно хлопая глазами, спрашивает Балдаев. – Это уже просто ни в какие... Это верх борзости! Кто вам сюда позволил водить... Не хочу говорить при дамах, кто они такие.
– Товарищ капитан, – говорю, – вы настолько деликатны, что вам, наверное, иногда неловко перед самим собой.
– Чего? – не понял Балдаев. – Это как расшифровывается? Ты что, солдат, сильно умный?
– Нет, – отвечаю, – не очень. Просто вы создаете такой благодатный фон..

Как-то постирали мы вечером форму и нижнее белье и улеглись спать в каптерке в естественном, так сказать, виде. Утром нас разбудил стук в дверь и хорошо уже знакомый голос Балдаева:

– Открывайте! А ну, живо открывайте!

Нехотя встаю, открываю дверь.

– Совсем охрене... – тут Балдаев осекается, изумленно пялясь на меня.

– Товарищ капитан, – говорю, – вы меня так пристально разглядываете, что вгоняете в краску.

– Ты... ты почему в таком виде? – спрашивает, наконец, Балдаев.

– Я с рождения такой, – отвечаю.

– Так, – говорит Балдаев. – Через полчаса приедет начпо, я ему всё расскажу о ваших похождениях.

– Рассказывайте, – говорю, – если сумеете.

Он и в самом деле пожаловался начальнику политотдела, и тот, зайдя в ленкомнату полюбоваться нашей работой, коротко заметил:

– Ну-ну.

– Что, товарищ подполковник? – спрашиваю.

– Ничего, – отвечает тот. – Доигрались, блядуны? На вас уже буряты жалуются.

Ленкомнаты мы сделали настолько хорошо, что фотографировать их и писать о них статью приезжали из редакции «Советского воина». Сияющий майор Пундель пообещал, что с него причитается и чтоб мы этим вечером ожидали его в гости.

Ждем, майор всё не прихлдит. Тут местные ребята, Саня из Новосибирска и азербайджанец со странным именем Виталик говрят нам:

– Слушайте, хули майора ждать? Пошли в столовую, там повара в чане бражку замутили.

Мы отправились с ними и полночи прображничали в столовой. Наутро является Пундель и говорит нам с упреком:

– Вы где вчера шлялись? Я, между прочим, две бутылки шампанского вам принес.

– И где они? – спрашиваю.

– В Караганде. Я ждал, ждал... Вас нет. Пришлось в одиночку выпить.

– Две бутылки?

– А что такое две бутылки шампанского для майора Советской Армии? Всё равно что для младенца две порции молочка из материнских сисек.

Во второй половине августа выезжаем на учения с политотделом – сам начпо, его заместитель, пропагандист дивизии, офицеры пониже чином, а из солдат – я с Димой и два водителя. Поставили две палатки – одну для ночлега, другую штабную. Стоим около КУНГа, курим. Тут подбегает начальник гарнизонной типографии, молоденький лейтенант по имени Юра, и, запинаясь, сообщает:

– Там это... в палатке... два щитомордника.

– Щитомордники – это род войск? – интересуюсь.

– Это змеи... Ядовитые.

– А, – говорю. – Раз ядовитые, нужно заместителю начпо доложить.

– Зачем?

– Он с ними общий язык найдет.

– Ребятки, потом пошутим, ладно? Надо вынести змей и закинуть подальше от палаток.

Мы вооружились палками подлиннее и потолще, а лейтенанту Юре я вручил коротенькую тонкую ветку.

- Это для чего? – спрашивает он.
- Мы будем ловить змей, – объясняю, – а вы делаете вид, будто на дудке играете.
- Зачем?
- Чтобы змей отвлечь.
- Ты серьезно?
- Конечно. Только насвистывайте при этом.

Зрелище получилось незабываемым: палатка, мы охотимся с палками на змей, а лейтенант стоит с поднесенной к губам веткой и свистит в нее. Наконец, поймали мы щитомордников, отнесли подальше и забросили в кусты. Возвращаемся, Юра никак не может расстаться с веткой, вертит ее в руках и задумчиво произносит:

- Это, скорее всего, мальчик и девочка были. У них, наверное, период спаривания.
- Да, – говорю, – товарищ лейтенант, надо было вам девочку оставить. Вы ей так мило свистели...

Начальник типографии выглядел настолько по-пацански, что немного смутился, когда я обращался к нему «товарищ лейтенант». Он сказал, что, когда мы одни, я могу называть его просто Юрой. Как-то обедаем в КУНГе и я невнимательно говорю:

- Юра, будь добр, передай хлеб.
- Ого! – отзывается старший лейтенант Ратушняк. – Юра, на «ты»... Да у вас интим, ребята!
- Валера, не надо так откровенно ревновать, – замечаю с упреком.
- Чего? – вскинулся Ратушняк. – Боец, у тебя совсем борзомерт зашкалил? Ты кого Валерой называешь? Тебе в лобешник настучать?
- В это время в КУНГ заходит пропагандист дивизии подполковник Сычев.
- Что такое? – осведомляется он. – Валера, ты зачем на солдата кидаешься?
- Товарищ подполковник, – говорю предупреждая, – лучше не называйте его Валерой. Товарища старшего лейтенанта это бесит.

Подполковник Ромашов, заместитель начальника политотдела, вызывает меня в штабную палатку и говорит:

- Значит так... вот. Берешь документы и аккуратно, значит, прикрепляешь их на доску документации... вот. Вот тебе документы, вот тебе, значит... – Он принялся шарить по столу, потом заглянул в походный ящик. – Вот же ж, бляха, бардак. Кнопок не взяли... Клей не взяли... Короче. Вот тебе, значит, документы, размещай их, значит, на доске. Приказ понятен?
- Приказ, – говорю, – понятен. Непонятно, как документы без кнопок вешать.
- Ромашов посмотрел на доску, затем на меня и говорит нервно:
- Боец, не занимайся, значит, демагогией. Вешай как хочешь. Или заместитель начальника политотдела обязан за тебя думать?
- Боже упаси, – отвечаю. – То есть, никак нет. Я лучше сам подумаю, раз вам по должности не полагается.

За неимением другого я наломал в лесу несколько сосновых веточек и прикрепил документы смолой. Спустя некоторое время приезжает начальник политотдела, внимательно разглядывает доску документации, багровеет и интересуется:

- Какой идиот додумался повесить на доску секретные документы?
- Вешал я, товарищ подполковник, – отвечаю.
- Начпо глянул на меня, усмехнулся и говорит:

– Не бери на себя слишком много. Ставлю вопрос по-другому: какой идиот приказал повесить на всеобщее обозрение документы с указанием частей, подразделений и численностью личного состава?

– Я, Владимир Иванович, – отвечает подполковник Ромашов.

– Что ты, Валентин Николаевич? Ты приказал или ты идиот?

– Я приказал.

– Но ты не идиот?

– Никак нет.

– Понятно, – говорит начпо. – То есть, идиотов, как всегда, нет, а идиотизм налицо.

Возвращаемся с учений в Дом Офицеров. Встречает нас майор Скляр.

– Ну как, – спрашивает, – отдохнули на природе?

– Вы так говорите, товарищ майор, – отвечаю, – будто мы с дачи в имение вернулись.

– Так оно и есть, – заявляет Скляр. – Про дачу ничего не скажу, а имения вас ждет столько, что можете вазелином запастись.

Притащили к нам в художку облупившуюся местами копию серовских «Ходоков у Ленина».

– Подреставрировать надо, – говорит начпо. – Думаю, вы с этим легко справитесь – тема вам близка.

– Это почему, товарищ подполковник? – спрашиваю.

– Потому что сами ходоки, чтоб не сказать грубее.

– Может, мы и ходоки, – немного обиженно заявляет Дима, – но к Ленину за этим делом точно не пошли бы.

В нашем дуэте «живописцем» считался я, а Дима больше специализировался по шрифтам, так что он занялся другим делом, а я принялся за реставрацию. Когда работа была завершена, я подумал, что негоже оставлять свою лепту безымянной, и после подписи «Серов» поставил косую черту и добавил: «Юдовский».

На следующий день начальник политотдела приходит поглядеть, как обстоят дела с картиной.

– Уже готово? – говорит. – Молодцы. Отреставрировано хорошо... Незаметно... Пятен нет... А это что такое?

– Где, товарищ подполковник? – спрашиваю невинно.

– Внизу, товарищ хулиган. Что еще за «Юдовский» там присобачен?

– Юдовский – это я, – поясняю.

– Я в курсе, что Юдовский – это ты. Меня интересует, какого хрена он там фигурирует?

– Это на память, – говорю.

– Ага, – говорит начпо, – спасибо. Ты когда в музей ходишь, тоже под картинами что-нибудь на память оставляешь?

– Замазать? – вздыхаю.

– Ладно – говорит начпо, – оставь. Если я кому рассказывать стану, какой у меня редкий кадр в художниках ходил – не поверят. А так хоть доказательство будет.

В Дом Офицеров взяли солдата-фотографа, пермяка, оказавшегося моим тезкой. Судя по выражению его лица, он беспробудно спал у себя в фотолаборатории, пока его не нагружали какой-нибудь работой.

Однажды стучим к нему в комнату – за дверью гробовая тишина. Принимаемся громыхать – открывает, наконец.

– Миша, блин, – говорит ему Дима, – ты там спал или...

– Я не спал, – отвечает тот.

– Значит, или? – спрашиваю.

– Или что?

– Тебе подробно объяснить? – интересуюсь.

– Дрочил? – уточняет Дима.

Миша почесал растрепанную голову и говорит:

– Нет.

– Что нет?

– Я не спал.

Однажды идем по коридору, навстречу из фотолаборатории выскакивает взбешенный начальник Дома Офицеров, рыча на ходу:

– Урод!

– И вам добрый день, товарищ капитан, – говорю.

Капитан Траханчук странно смотрит на нас и вдруг заявляет:

– Вам известно, что неуставные отношения в армии запрещены?

– А что такое? – удивляется Дима. – Мы пальцем никого не трогали.

– Так вот, – продолжает капитан, с ненавистью кивая на дверь фотолаборатории, – если очень хочется, я не возражаю. Честное слово, сделаю вид, что ничего не заметил.

В политотделе появился новый офицер, лейтенант Гаврилов – подтянутый, интеллигентный, с усиками, напоминающий внешне и манерами офицера царской армии. Кроме того, был лаконичен и точен в определениях. Однажды спрашивает:

– Где этот придворный фотограф с лицом сексуального маньяка?

– Товарищ лейтенант, – говорит Дима восхищенно, – спасибо.

– За что, позвольте узнать?

– За попадание в цель. Нам самим никак не удавалось сформулировать.

– Вот как? – говорит лейтенант Гаврилов. – Он что, на вас посягал?

Лейтенанту Гаврилову и Валере Ратушняку, ютившемуся до этого в бараке, дали однокомнатную квартиру на двоих. В квартире имелась ванная, вода в которой нагревалась титаном. Иногда мы с Димой, заготовив немного дров для господ офицеров и самих себя, отправлялись к ним на хату, позволяя себе столь неслыханную для солдата роскошь, как горячая ванна. После этого играли вчетвером в деберц или двадцать одно и, бывало, распивали всей компанией бутылку вина.

– Я с вас тащусь, – говорит однажды Валера Ратушняк. – Нормальная у солдат служба.

– Махнемся, не глядя? – предлагаю.

– Насовсем?

– Нет. На полгода.

– Не покатит. Слишком хитрожопое предложение.

– Вообще-то, ваша служба проще нашей, – пожимает плечами лейтенант Гаврилов.

– Это почему?

– Потому что вы можете себе позволить, выражаясь живописно, положить на всё большой и красный. А мы нет.

– Может, хоть на пять минут тогда махнемся? – говорю.

– Ну, давай.

- Не «давай», – поправляю строго, – а «давайте». Шагом марш на кухню, товарищ лейтенант, и приготовьте кофе.
- Воин, – замечает лейтенант Гаврилов, – пять минут имеют свойство быстро заканчиваться.
- Ну и что, – говорю. – Зато пять минут покомандую вами, как офицер.
- А потом?
- А потом, как солдат, положу на всё большой и красный.

Несем в очередной раз дрова на хату Ратушняку и Гаврилову, по дороге встречаем майора Скляра.

- Привет, оборзевшая команда! – окликает он нас. – Куда дровишки тащим?
- Идем в макулатуру сдавать, – отвечаю.
- Чего? Дрова в макулатуру?
- А что, нельзя?
- Слышь ты, пионер-герой, – говорит Скляр. – В макулатуру бумагу сдают.
- Так бумагу ж из дерева делают.
- Кончай мне слух насиловать. Небось, к Ратушняку с Гавриловым намылились?
- Товарищ майор, – качает головой Дима, – вы такой проницательный, что страшно делается.
- Проницательный... Тоже мне государственная тайна. Ну, и как там эта парочка?
- В смысле? – спрашиваю.
- Ну, ребятки молодые, красивые. Небось, потрахивают друг друга.

Заходит к нам в художку лейтенант Ратушняк с газетой в руках и заявляет:

- Пляшите.
- С какой радости? – спрашиваю.
- Есть интересная для вас информация.
- Приказ, что ли? – говорит Дима, кивнув на газету. – Так это еще не наш праздник. Это для дембелей, а мы только дедушками стали.
- Дим, ты не прав, – говорю. – Тут в другом фокус. Дембелям газету с приказом молодые приносят, а нам, всего лишь дедушкам, целый старший лейтенант. Когда мы дембелями станем, к нам с газетой не иначе как генерал явится.

Сидим в типографии, празднуем день рождения нашего приятеля Сани, который намерен сделаться прапорщиком, чтобы остаться в поселке с сорокалетней Тамарой, в определенном смысле известной всему гарнизону. Тамара наготовила салаты и сварила пельмени, Саня раздобыл медицинский спирт.

- Ну что, Саня, – говорит, поднимаясь, сержант Володька, Санин коллега по типографии, – давай выпьем за тебя и за то, чтоб ты, значит, став прапорщиком, не зазнавался. Всё же вместе служили. Не забывай.
- Никогда, – отвечает Саня. – Вы ж меня знаете, пацаны...
- Мы чокнулись кружками и выпили.
- Вот сука, – говорит Володька, скривив физиономию. – Не успел прапором стать, а уже наебывает – вместо медицинского спирта технический проставил.

Одно время вахтершей в Доме Офицеров работала тетя Шура, немолодая женщина, потерявшая одного сына, недоносившая другого, утратившая мужа-алкоголика, который сгорел в им же подожженном по пьяни доме. Вопреки всему, тетя Шура сохранила

редкостное жизнелюбие и щедрость. Люди небогатые, испытавшие настоящее горе, как правило, щедры. Еще работая в Доме Офицеров, тетя Шура заходила к нам на чай, неизменно принося с собой пару крутых яиц и бутербродов с маслом или с сыром. После того, как ее уволили, мы пару раз навещали к ней в гости, в худо-бедно отстроенный домишко в поселке, и немножко помогали – чинили какую-нибудь малость или кололи дрова. Она нас неизменно угощала чаем и еще чем-нибудь, а однажды предложила настойки из корня жень-шеня на водке.

– Спасибо, – говорю, – тетя Шура. А просто водки без жень-шеня у вас нет?

– А чем тебе жень-шень не нравится?

– Слишком полезно для моего здоровья.

– Вот и пей, раз полезно. Давайте я вам по второй рюмочке для храбрости налью.

– А зачем нам храбриться?

– А вы не слыхали? Тигр-людоед объявился. Говорят, уже задрал кого-то. А вам чуть ли не на ночь глядя возвращаться. Может, у меня заночуете?

– Теть Шур, – говорит Дима, – если мы у вас заночуем, а нас хватятся... Лучше уж тигр-людоед, чем бешеный капитан Траханчук.

Словом, возвращаемся назад, выходим из поселка, идем к мосту через пустырь с редкими кустами. Вдруг из-за одного куста на нашем пути раздается рычание.

– Дима, – говорю, – ты по-прежнему предпочитаешь тигра Траханчуку?

– Н-навверное, – отвечает Дима. – С тигром я пока не знаком, а Трахана хорошо знаю.

– Тогда, – говорю, – иди ты вперед.

– Почему я?

– Ты плотнее. Если тигр меня сожрет, ему всё равно мало покажется. А если тебя – может, наестся. Хоть один в живых останется.

Тигра за кустом не оказалось. Вместо него мы обнаружили бродячую собаку, каких в поселке было немало.

– Дура, – говорит ей Дима.

Та посмотрела на него и неприязненно гавкнула.

– Она говорит – сам дурак, – перевел я.

– Сразу видно, что ты в инязе учился, – отвечает Дима. – Ладно, пошли.

– Постой, – говорю, – у тебя ничего нет, чтоб ей скормить?

– Есть, – отвечает Дима. – Один знакомый киевлянин-полиглот. Ты идешь или дашь ей из жалости себя сожрать?

Заместителя начпо подполковника Ромашова перевели в другую дивизию, а на его место прислали майора Тимошенко – по слухам, внучатого племянника знаменитого маршала. Майор оказался удивительно неприятным и въедливым типом. Однажды, когда мы ужинали, начпо с заместителем нагрянули к нам в художку. Мы поздоровались и пригласили их за стол.

– Спасибо, – отвечает начальник политотдела. – Вы ужинайте, мы уже поели.

– Владимир Иванович, – изумленно-зловеще говорит Тимошенко, – посмотрите, они же едят!

– Ну да. – соглашается начпо, – едят. Они, конечно, художники, но питаться им положено.

– Но они же ЗДЕСЬ едят!

– А где им есть? В ресторане?

Тимошенко, меж тем, продолжает рыскать по художке, открывает тумбочку и оттуда вываливается постельное белье.

– Владимир Иванович, – делает он очередное открытие, – они еще и спят тут!

– Слушай, майор, – поворачивается к нему начпо, – какое тебе дело до того, где они спят? Или ты хочешь пригласить их к себе домой и уступить свою спальню?

Начальник политотдела Владимир Иванович Кузьмович был высок ростом, седовлас, солиден, временами остроумен, хитер, честолюбив, но незлобив, взыскателен к офицерам и снисходителен к солдатам. Ни разу не повысил голос ни на нас, ни на своего водителя.

– Труд художников, по крайней мере, виден, – говорил он, – а вот чем занимается остальной политотдел – для меня самого загадка.

По должности ему полагались полковничьи погоны, которые он с нетерпением ожидал, поэтому зимой, когда немногие дивизионные полковники щеголяли папахами, он, жертвуя ушами, продолжал до самых заморозков ходить в фуражке, чтобы не надевать обычную офицерскую шапку.

К нам, повторюсь, относился весьма лояльно.

– Был у меня художник Паша, – говаривал он. – Тот был алкаш. Были Кайрат и Алик. Те – трудяги. А эти – блядуны.

Впрочем, обнаружив у нас однажды бражку, он добавил к «блядунам» «алкашей». Поймав меня за чтением английской книжки, присовокупил к этим титулам «диверсанта». Наконец, удостоил нас – с натяжкой – звания «трудяг». За свой язык я получил еще одно емкое определение. Словом, чем дольше мы служили, тем большим числом титулов обростали.

– Был у меня художник Паша, – говорил теперь начпо. – Тот был алкаш. Были Кайрат и Алик. Те – трудяги. А эти – универсалы.

К середине осени стало холодать и гарнизон перешел на зимнюю форму одежды. Поскольку я обосновался в Доме Офицеров в мае, шинель моя осталась в части. Я отправился в родной дивизион за шинелью, поболтал с ребятами, потом заглянул в штабную комнату. В комнате сидел замполит майор Жижов.

– Ты? – удивился он. – Тебя что, из Дома Офицеров выперли?

– Нет, – отвечаю.

– Значит, терпят? Или ты характер смирил?

– Терпят. Стар я, чтоб меняться.

– Жаль. А то работы в дивизионе хватает. Видишь, два ведра водоэмульсионки для щитов стоят. Так зачем пришел?

– Просто так, в гости. Заодно и шинель свою прихватить, а то, знаете, холодно стало.

Жижов замаялся.

– Понимаешь, – говорит, – нет твоей шинели. Сгорела.

– Со стыда? – спрашиваю.

– Откуда у нее стыд? Какой хозяин, такая и вещь. Пожар у вас в каптерке был. Ты только там у себя об этом не болтай, мы дело замяли.

– Что вы, товарищ майор, – говорю. – Вы же знаете, я не из болтливых.

– Ага, – кивает Жижов. – Ты не из болтливых. А я из Ханты-Мансийска. Словом, извини...

– Понятно, – говорю. – Пойду назад раздетым. Начальник политотдела, правда, расстроится. Это ж он меня сюда послал. «Ты зачем, – говорит, – Миша, в одном кителе ходишь? Простудишься. А работы много».

– Это что, шантаж? – подозрительно спрашивает Жижов. – Ты своего замполита шантажируешь?

– Интересно, – говорю. – Прийти в родной дивизион за собственной шинелью – значит шантажировать замполита?

– Ладно, – говорит Жижов, – пошли на склад.

Прапор на вещевом складе, несмотря на уговоры замполита, отказался выдавать мне шинель.

– Товарищ прапорщик, – говорю, – я ж не за просто так прошу.

– А за что? – оживился тот.

– Ведро водоземлюсионки. Я всё-таки художник из Дома Офицеров.

– Два ведра.

– Согласен. Только вы новенькую и по размеру подберите.

– Кого ты учишь, солдат.

Он подобрал мне новую с начесом шинель, в которой сразу стало тепло и уютно.

– Спасибо, – говорю. – Как влитая сидит.

– Сам вижу. Когда за ведрами приходите?

– Хоть сегодня. Только не в Дом Офицеров, а к товарищу майору, в артдивизион. Правда, товарищ майор?

Жижов мрачно глянул на меня и говорит:

– Правда.

Потом вздохнул и добавил:

– Пора на пенсию валить из этой гребанной армии.

В Доме Офицеров я приладил к новой шинели погоны, петлицы и шеврон, оделся и вышел на улицу покурить. В это время мимо идут начпо и его заместитель майор Тимошенко.

– Товарищ подполковник, товарищ майор – здоровья желаю, – говорю.

– Привет, – отвечает начпо, собираясь идти дальше.

– Товарищ подполковник, – останавливает его заместитель. – Вы посмотрите, какая на нем шинель.

– Хорошая шинель, – говорит начпо. – Новая.

– Вот именно. Он же ее с молодого солдата снял!

– Что? – спрашиваю возмущенно.

– Ты мне не чтокай, боец.

– Да я в жизни молодых солдат не трогал!

– Ага, все вы не трогаете, только дисбат по всем по вам плачет.

– Ладно, – перебивает его начпо, – пошли, майор.

– А с этим как быть? – не унимается Тимошенко.

– Никак с ним не быть. Снял и снял. Мало ли что он с кого снимал... Я у них в художке поинтересней компанию видал, чем молодые солдаты.

К ноябрьским праздникам капитану Траханчуку присвоили звание майора. Первым его поздравил заместитель, майор Скляр.

– Витя, – говорит, – поздравляю. Поверишь – искренне и от всей души.

– Откуда такая доброжелательность? – удивляется Траханчук.

– Да, понимаешь, достало, что какой-то капитан меня во все щели имеет. От майора хоть не так обидно терпеть.

Является к нам в художку прапорщик Саня из типографии, одетый в гражданское.

– Привет, пацаны, – говорит. – Я попрощаться зашел.

– Только зашел и сразу прощаться? – удивляюсь.

– Да я насовсем прощаться.

– А что случилось?

– Увольняют меня из армии.

– За что?

– Я Тамарку избил. Прямо перед штабом дивизии. То есть, сначала напился, как следует, а потом избил. Не могу ж я женщину в трезвом виде бить... Прикиньте, сию как-то и думаю: Саня, во что ты вляпался? Тебе двадцать два, ей сорок и клейма ставить негде. На хрена она тебе? На хрена тебе эта армии и прапорщицкие погоны? Надо что-то делать. Ну, и сделал...

– Да, – говорит Дима, – молодец. А если б ты ее убил спьяну?

– Я свою меру знаю, – отвечает Саня. – Обнимемся, что ли, на прощанье?

Мы обнялись, Саня направился к выходу, на пороге остановился и повернулся к нам. По лицу видно, что хочет сказать что-то значительное.

– Вы вот что, – произносит, наконец, – если Томка кому нужна – берите. Пользуйтесь.

– Иди-ка ты на хер, Саня, – говорю.

– Ф-фух, – выдыхает Саня с облегчением. – Спасибо. С добрым напутствием можно и в дорогу. Счастливо!

Из полкового оркестра отобрали четырех ребят, чтобы те играли на дискотеках в Доме Офицеров. Иногда к ним присоединялся Дима, который до армии поигрывал на ритм-гитаре в какой-то питерской группе. Естественно, он считал себя докой в музыкальных вопросах в целом и ленинградском роке в частности. Однажды разговор у нас зашел о Гребенщиковете и «Аквариуме».

– У них музыки толком нет, – авторитетно заявил Дима. – Одни тексты и то какие-то долбанутые. Типа, поэзия. Одним словом, говно. Тебе бы понравилось.

Среди ребят-оркестрантов, игравших на дискотеках, были два Олега, Серега и Дима, тезка моего напарника. Диме оставалось всего-ничего до дембеля, выглядел он спокойно и доброжелательно, разговаривал негромко. Тем оглушительней показалось известие: Дима с приятелем-дагестанцем по имени Эдик напильсь, угнали в поселке мотоцикл, затем решили добавить, ворвались в чью-то хату, потребовали самогону, полоснули хозяина ножом, а хозяйку изнасиловали. Диме и Эдику дали по восемь лет. Предварительно в зале Дома Офицеров устроили показательный суд. Эдик держался с каким-то напряженным отчаянием, Дима выглядел спокойно и отрешенно, словно не понимал, что происходит и с ним ли. Слово взял военный прокурор. Говорил он долго и пылко, а закончил свою речь так:

– Посмотрите, посмотрите в глаза вашим боевым товарищам, сидящим в этом зале! Они мужественно и стойко преодолевают тяготы воинской службы, верно и самозабвенно отдают долг Родине! А ведь любой из них мог бы оказаться на вашем месте.

Буфетчицей в Доме Офицеров работала осетинка по имени Аза, незамужняя, лет двадцати пяти. Мы частенько сжививали в подсобке ее буфета, угощаясь чаем с пирожками, яйцами, сваренными «в мешочек», и сметаной. Однажды Дима говорит ей:

– Классно получается. В столовой компот с бромом, то есть потенция в минус. А у тебя сметана, то есть потенция в плюс.

– А что классного? – подумав, отвечает Аза. – Там минус, тут плюс. Получается, потенция ноль.

С нами Аза если флиртвала, то довольно своеобразно: то намекала на свою женскую неустроенность, то рассказывала о своих братьях-джигитах, которые жили в нашем же

поселке. Как-то сидим в очередной раз у нее в подсобке, поедая прямо из сковородки жаренную с колбасой картошку. Аза щебечет, как пташка, затем говорит:

– Пойду вам сметанки принесу. Мужская сила! Вот братья мои сметану очень любят покушать и просто страшно какие сильные.

Когда она вышла, я спрашиваю у Димы:

– Слушай, как ты думаешь, чего она от нас хочет?

– Плнятно чего, – отвечает Дима. – Накормить, соблазнить и зарезать.

Однажды под вечер направились мы с Димой в мой полк: я – навестить своих друзей из дивизиона, он – к ребятам в типографию. Не знаю, как Дима, а я зашел довольно удачно: мой старшина Геворг Овсепян, пользуясь отсутствием офицеров, праздновал в каптерке день рождения. Родные передали ему с оказией посылку с фруктами, вином и парой бутылок коньяка.

– Извини, Геворг, – говорю, – я ж не знал... Получается, без подарка пришел.

– Пришел без подарка, уйдешь с подарком, – отвечает тот. – Я тебе сам подарок сделаю! Имею право на саой день рождения делать, что хочу.

Он взял с полки зеленую книжечку, надписал и протянул мне. На обложке значилось: «Этимология английского языка». Я перелистнул. На обратной стороне было написано: «Моему другу Мишу Юдовскому».

– Спасибо, Геворг, – говорю. – Не знаю, как насчет английского языка, а этимологию этой надписи я буду изучать долго и упорно.

Иду обратно в изрядно веселом настроении. Навстречу мне Аза.

– Миша! – говорит изумленно. – Ну, ты просто сумасшедший... Я тебя таким пьяным еще не видела.

– А каким пьяным ты меня видела? – интересуюсь.

– Ну, ты просто остроумный... Как ты в таком виде в Дом Офицеров пойдешь?

– Ножками, – отвечаю.

– А если упадешь?

– Тогда ножками и ручками.

– Ну, ты просто смешной... Идем ко мне, я тебя хоть чаем напою. Отоспишься.

– А пойдем! – зажигаюсь.

Тут на мое несчастье или счастье объявляется Дима.

– Что тут происходит? – говорит.

– Дима! – восклицаю, обнимая его. – Хренею от радости при виде тебя. Иди, дорогой, в Дом Офицеров. Если меня будут спрашивать, скажешь, что я отправил себя в однодневную командировку.

– Вы куда собрались? – спрашивает Дима у Азы.

– Ко мне, – невинно отвечает та.

Дима оттаскивает меня в сторонку и говорит:

– Ты совсем сдурел? Хочешь, чтоб ее братья тебя зарезали?

– При чем тут братья? – говорю. – Я не к ним иду, а к ней... Отстань.

– Не будь идиотом!

– А ты не завидуй.

– Пьяная скотина!

– Трезвая сволочь.

Мы обменивались комплиментами минут пять, так что Азе надоело слушать, как мы перебраниваемся, и она незаметно и, не попрощавшись, ушла.

– Добился своего, гад? – говорю. – Вспугнул горную серну?

– Ничего себе, – отвечает Дима. – Всё еще хуже, чем я предполагал. Я думал, ты всего лишь напился, а ты мозгами двинулся.

На обратном пути я втолковывал Диме, какая он гнида, а он пытался меня убедить, что спас мне жизнь. Гарнизон, к слову, был весь перерыт траншеями для кабеля, и в одну из них я свалился.

– Вот суки, – говорю. – Уже ямы на солдат копают. Хорошо хоть капканы пока не ставят. Дима помог мне выбраться из траншеи.

– Сволочь, – говорю ему. – Ты зачем мою шапку спер?

– Чего? – не понимает Дима. – Какую шапку?

– Которую я на голове ношу. Я падал в траншею в шапке, а вытащил ты меня без шапки. Кроме нас двоих тут никого нет. Где моя шапка?

Диме, наверное, очень хотелось меня убить, но он полез в траншею и нашел мою шапку.

– На, – говорит, – еще раз уронишь – сам полезешь.

– Спорим, что нет? – отвечаю. – Давай попробуем?

– Слушай, – перебивает Дима, – у меня к тебе просьба: если, не дай Бог, встретим патруль, говорить с ними буду я, а ты молчи.

– Почему? – спрашиваю. – Думаешь, мне нечего им сказать?

– Наверняка есть и многое, – отвечает Дима. – Поэтому лучше молчи.

– Ты меня весь вечер гнобишь, – говорю обиженно. – К Азе не пустил, с людьми разговаривать не даешь... Я б тебя сам патрулю сдал, если б был таким же негодяем, как ты.

Мы какими-то переулками и дворами дошли до Дома Офицеров. В вестибюле нас поджидал старший лейтенант Ратушняк.

– Вы где шляетесь? – спрашивает. – Я вас целый вечер дожидаюсь... Екарный бабай! Миша, бляха, ты где так нарезался?

– Дима, – говорю, – это патруль?

– Нет, – отвечает Дима.

– Значит, можно ему кое-что сказать?

– Я тебе сейчас такое скажу, – говорит Ратушняк, – что у тебя уши опадут.

– Красиво, – говорю, – товарищ старший лейтенант. По-осеннему красиво. Я пошел.

– Куда?

– Писать стихи. Я, блядь, поэт или кто? И чтоб ни одна сука мне, извините за выражение, не мешала.

Как-то около полуночи в Доме Офицеров раздался крик и грохот. Мы с Димой, примчавшись на шум, стали свидетелями безобразной сцены: у двери в гримерку некрасивая жена майора Скляра колотила полуголого супруга по огромной спине и выкрикивала:

– Кобель! Скотина! У тебя жена, у тебя двое детей, а ты с этой блядью, с этой прошмандовкой...

– Вы так не кричите, вы так не разговаривайте, женщина, – огрызалась такая же неодетая Аза. – Как не стыдно вам...

– Эта шлюха меня еще стыдить будет! Ах ты ж...

Жена майора замахнулась, чтобы ударить Азу, но Скляр перехватил ее руку.

– Верочка, не надо.

– Пусти! – заорала та, принимаясь избивать мужа свободной рукой. – Пусти, говорю! Ой, люди! Убивают! Ой, он мне руку сломал!

– Вот видишь, Дима, – говорю тихо, – какая ты сволочь.
– Я? – изумился Дима. – Я-то тут при чем?
– А кто меня к Азе не пустил? Кто меня ее братьями пугал? Выходит, майору можно, а мне нет?

В декабре я познакомился с девятнадцатилетней Аней из Москвы, отец которой служил начальником штаба батальона в мотострелковом полку. Несколько раз она заглядывала к нам в художку, пару раз я, пользуясь отсутствием ее родителей, навещался к ней домой. Московское происхождение, как она полагала, давало ей право на некоторое высокомерие, из-за чего мы постоянно ссорились. Возвращаюсь после одной из таких ссор в Дом Офицеров, внезапно меня окликает патруль. Тут я вспоминаю, что накануне постирал форму, и теперь на мне подменка, в которой ни военного билета, ни маршрутного листа. Ускоряю шаг.

– А ну стой, солдат! – кричит патрульный офицер. – Стой, говорю! Стрелять буду!
– Товарищ капитан, – говорит ему один из солдат, – а давайте, правда, пальните. А то всё ходим, ходим... Скучно.

К Новому Году билетерша Дома Офицеров Леночка пообещала раздобыть нам бутылку водки. Поселок наш был «безъядерной» точкой, спиртное продавалось только в соседнем Приморском, куда Леночка время от времени ездила. На сей раз поездка оказалась неудачной и вместо водки она привезла бутылку румынского шампанского.

– Ладно, – говорю ей, – и на том спасибо. Напиток, по крайней мере, новогодний. С наступающим тебя.

Под полночь мы, запершись в художке, откупорили шампанское и разлили по пластиковым стаканам.

– Ну, – говорит Дима, – с Новым Годом. Живи сто лет и двести раком ползай.

– И тебе того же, – отвечаю.

Мы чокнулись и выпили.

– Вот блядь, – говорит Дима, морщась. – Как эти румыны Новый Год празднуют – не понимаю.

– Я где-то читал, – подхватываю, – что у них на Новый Год резко возрастает число убийств и самоубийств.

– Я бы лично парочку пришиб, – заявляет Дима.

– До Румынии далеко, – говорю. – Пошли Леночку убивать.

Мы вышли, оставив дверь в художку незапертой. В фойе играла музыка, танцевали офицеры с женами. Мы забыли о своих кровавых планах, потусовались со знакомыми музыкантами, даже поплясали. Возвращаемся – в художке нас дожидается майор Траханчук.

– С Новым Годом, товарищ майор, – говорим ему.

– Ага, и вас туда же. Миша, Дима, вы чего, первый год служите?

– А что? – спрашиваю.

– А то, что хотя бы дверь научились запирать, раз криминалом тут занимаетесь. Захожу, вижу – стаканы на столе. Я хлебнул – японский бог, шампанское! Не может быть, думаю. Хлебнул еще раз – точно, шампанское. Ни хрена себе, думаю, я шампанского достать не могу, а солдаты достали. Думаю: вздрючить их или нет? Ладно, думаю, не буду. Всё-таки Новый Год. Да и неудобно как-то, раз сам попользовался....

На Рождество к нам в художку неожиданно нагрянула Аня с двумя подругами. Я удивился, поскольку мы по-прежнему были в ссоре. Девушки поколядовали и, не дожидаясь подарков от бедных солдат, сами угостили нас конфетами и апельсинами.

– А знаете, мальчики, кто нам апельсины дал? – щебетала Аня, обращаясь при этом к одному Диме. – Ваш начальник политотдела. Завтра придет к вам, а вы ему: спасибо за апельсинчики, товарищ подполковник.

– Ага, – кивает Дима. – Заодно объясним ему, откуда они у нас взялись. Он нам тогда до самого дембеля колядовать будет.

– Дим, – говорит ему Аня, – давно хотела тебя спросить: ты бы мог мой портрет нарисовать?

– А чего я? – удивляется Дима. – У тебя, вроде, уже есть художник.

Аня косо глянула на меня и говорит:

– Да какой он художник? Он же из этого... всё время забываю название... из Киева.

Откуда там художникам взяться? А у тебя, как-никак, ленинградская школа.

Дима глянул на меня. Я фыркнул и пожал плечами.

– Понимаешь, Анечка, – говорит Дима, – я, вообще-то, больше по шрифтам. Или буквы из пенопласта вырезать. А за портретом – это к киевлянину.

– Да, – говорит Аня, – не думала, что жлобство из Киева до Питера докатилось.

Пойдемте, девочки. Не будем мешать творцам жрать апельсины.

Завхозом Дома Офицеров работала Галина Ивановна, крикливая и отчасти вульгарная женщина необъятной ширины. Мы не слишком любили ее, но иногда жалели, поскольку начальник Дома Офицеров майор Траханчук с каким-то изощренным садизмом регулярно доводил ее до слез. Галина Ивановна в таких случаях либо запиралась у себя в комнате, либо пряталась в женском туалете и рыдала там. После очередного нагоняя Галина Ивановна по привычке скрылась в дамской уборной. Вскоре после этого в художку к нам пожаловал эффектный, как всегда, лейтенант Гаврилов.

– Вы Галину Ивановну не видели? – поинтересовался он.

– Видели, – отвечаем.

– И где же она?

– Спряталась.

– Странно, – говорит лейтенант Гаврилов. – Очень странно. Где же могло спрятаться это хрупкое создание?

Однажды Галина Ивановна забегает к нам в художку и, запинаясь и глотая слова, объясняет:

– Там Таня.... Таня там... Идемте, идемте... Быстрее, быстрее.

Мы, не став спрашивать, поспешили за ней. Галина Ивановна с удивительным для нее проворством выскочила из Дома Офицеров и засемила в сторону реки. Речку почти целиком сковал лед с налипшими снежными островками. На одном из этих островков лежала замерзшая женщина – маленькая, худая, с посиневшим лицом.

– Таня, Таня! – по новой принимается причитать Галина Ивановна. – Это же подруга моя! Миша, Дима, она... она что?

– Она мертвая, – говорю. – Галина Ивановна, отойдите, пожалуйста. Дима, бери за ноги.

Мы перенесли маленькое тело, неожиданно оказавшееся очень тяжелым, к дивизионному КПП. Дежурный сержант вызвал милицию. По приезду милиции мы коротко дали показания и вернулись в Дом Офицеров, столкнувшись у входа со старшим лейтенантом Ратушняком.

– Разгуливаем? – поинтересовался тот. – Уже середь бела дня по бабам шляемся?

– Да, – отвечаю, – товарищ старший лейтенант. Что-то вроде того.

В конце января состоялся Пленум ЦК КПСС. Политотдел немедленно отозвался на это событие рядом мероприятий и наглядной агитацией. Пару дней и ночей кряду мы корпели над стендами. Дима прокомментировал это с чисто питерской изысканностью:

– Ну, не блядство ли? Старые козлы проводят пленумы, а молодые воины из-за них горбатятся.

В одну из ночей, когда мы малевали очередной стенд с решениями Январского Пленума, к нам в художку пожаловал пропагандист дивизии подполковник Сычев.

– Ребятки, – говорит, – есть одно внеплановое задание.

– Какое? – спрашивает Дима..

– Нужно сделать этикетку для баночки с красной икрой.

– Это как-то связано с Январским Пленумом? – интересуюсь.

– Это как-то связано со мной, – поясняет Сычев, – и с нашими добрыми отношениями.

– Товарищ подполковник, – говорю нервно от недосыпа, – мы нарисуем, но позже, когда эту бодягу закончим.

– Миша, мне нужно сейчас. Ты в курсе, что приказы начальников и командиров выполняются четко и без обсуждений?

– А вы в курсе, – отвечаю запальчиво, – что приказ вышестоящего отменяет приказ нижестоящего? Или нам эту этикетку на стенд с Пленумом присобачить?

Сычев глянул на меня исподлобья и произнес спокойно и даже мягко:

– Миша, не удивляй меня. Полтора года отслужил, пора бы поумнеть. Ты мог бы выразить свое отношение ко мне и к моей просьбе взглядом, не произнося этой пламенной речи при твоём коллеге. Ты мог бы даже послать меня куда подальше, но мысленно. Я бы всё отлично понял. Но тебе обязательно нужно высказаться вслух. Если ты такой любитель поговорить, я, когда все мероприятия закончатся, с удовольствием прогуляюсь с тобой в одно интересное место и по дороге мы многое обсудим. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что под интересным местом я подразумеваю гауптвахту.

Будучи по-своему честным человеком, подполковник Сычев сдержал свое слово: когда начпо в очередной раз уехал в соседнее Краскино, он явился за мной и коротко бросил:

– Собирайся. Пойдем гулять.

Я накинул шинель. По дороге на гауптвахту Сычев говорит мне:

– Не знаю, что ты обо мне думаешь, и не очень этим интересуюсь. Но на всякий случай сообщаю: этикетка для икры нужна была не мне, а моему приятелю, директору рыбзавода.

– У вас хорошие друзья, товарищ подполковник, – замечаю.

– Не жалуясь, – соглашается Сычев. – А ты снова говоришь лишнее. И дело уже не в самих словах, а в интонации. Надеюсь, ночь в специальной гостинице без удобств пойдет тебе на пользу. Я бы с удовольствием дал тебе неделю отдыха, но завтра приезжает начальник политотдела. Утром приду за тобою.

Наутро он и в самом деле явился за мной и освободил с гауптвахты

– Ну, как ощущения? – поинтересовался он.

– Бесподобно, товарищ подполковник, – отвечаю. – В последний раз я так радовался, когда папа приходил забирать меня из детского сада.

– Понятно, – говорит Сычев. – Выводы не сделаны. Придется к ночевке в гостинице добавить небольшой отпуск.

Не знаю, каким образом, но «отпуск» пропагандист мне устроил – во второй половине февраля я на несколько дней выехал на учения со своим дивизионом.

– Каким местом они у себя в политотделе думают? – покачал при виде меня головою мой комдив подполковник Найчук.. – Ты извини, но на кой хрен ты мне сдался? Куда прикажешь тебя пристроить?

– Ну, что вы, товарищ подполковник, – отвечаю. – Как я могу вам приказывать?

– Опять же, – продолжает Найчук, – как с тобой обращаться? Ты ж теперь важная птица, со всем политотделом ручкаешься.

– Вот и дошел до ручки, – говорю. – Товарищ подполковник, у нас же с вами всё нормально было, когда я служил в дивизионе. Что изменилось-то?

– Ладно, – говорит Найчук. – У тебя есть командир батареи, старшина, пускай они тебя пристраивают куда хотят. Ты после учений назад в Дом Офицеров?

– Понятия не имею, – отвечаю. – Мне как-то всё равно.

– Раз тебе всё равно, то и мне всё равно. – Найчук вдруг хохотнул. – Эх, жаль начштаба твой любимый сейчас в госпитале с аппендицитом..Когда я ему скажу, что ты в его отсутствие ездил с нами на учения, он, бляха, по новой сляжет. С горячкой.

На учениях мне и в самом деле было нечем заняться. Большую часть времени я сидел в палатке с моим старшиной Геворгом Овсепяном. Мы с ним лениво болтали и попивали чай.

– Слушай, – говорит он, – давай, пока мы тут на ученьях отдыхаем, ты меня хоть чуть-чуть английскому подучишь. А то я всё забыл.

– Идет, – говорю. – Уот из ёр нейм?

– Геворг май нейм, – отвечает старшина. – Это я еще помню. Чего посложней спрашивай.

– Ар ю э бой ор э гёрл? – продолжаю.

Геворг посмотрел на меня с достоинством и отвечает:

– Ноу.

– Что «ноу»?

– И бой ноу, и гёрл ноу. Ай эм э мэн.

Курю около палатки нашей батареи. В это время мимо проходят дивизионный пропагандист подполковник Сычев и новый пропагандист нашего полка майор Талисман, знакомый мне еще как замполит танкового батальона, где я и Дима оформляли ленкомнаты.

– Миша! – удивляется он, узнав меня. – Привет, тезка! Ты как тут оказался?

– Язык до Киева довел, – отвечает вместо меня подполковник Сычев.

– Я, вообще-то, киевлянин, товарищ подполковник, – говорю. – Так что для меня это не скрытая угроза, а открытое поощрение.

– Вот видишь, – поворачивается Сычев к Талисману. – Горбатого хоть могила исправит, а этот сам могилу всгорбит. Миша, у меня к тебе просьба. Когда он, надеюсь, продолжит службу в полку – никаких клубов, никаких оформлений, никакого панибратства...

– И никакой икры на завтрак, – заканчиваю за него.

По дороге с учений разбиваем лагерь на опушке леса, ставим палатки, устанавливаем походные печки. Мой командир батареи капитан Саенко подходит ко мне и говорит:

– Миш, не в службу, а в дружбу – потопи эту ночь в моей палатке, пока я сплю.

– Конечно, товарищ капитан, – отвечаю

Капитан прилег на походную кровать, я разместился у печки. Сначала мы разговаривали, потом он заснул. Я продолжаю сидеть у печки, подкидывая дрова и глядя на огонь. На

душе почему-то очень спокойно и очень хорошо. Часа в три ночи капитан вдруг просыпается.

– Ну что, – говорит, – спать хочется?

– Нет, – отвечаю, – не очень.

– А должно хотеться. У тебя молодой, здоровый организм, ему бессонница по уставу не полагается. Ложись и спи. Моя очередь тебе топить.

На следующее утро после того, как мы вернулись с учений, в казарме раздается телефонный звонок. Дневальный-якут рапортует в трубку, затем говорит:

– Юдовский? Никак нет. У нас нет такой солдат.

– Это тебя нет, – обрывает его дежурный, отбирая трубку. – Дежурный по дивизиону сержант Молчанов... Есть. Так точно. Передам.

Затем кладет трубку и говорит мне:

– Слышь, Миха, требуют, чтоб ты немедленно шел в Дом Офицеров.

– Передай им, – отвечаю, – чтоб они шли еще дальше.

– Миха, а чего ты на меня наезжаешь? – обижается Молчанов. – Мое дело передать.

– Ладно, – говорю. – Извини. Геворга не видел?

– В каптерке.

Захожу в каптерку.

– Геворг, – говорю, – меня снова в Дом Офицеров зовут.

– Чего не радуешься? – спрашивает тот.

– А чему радоваться? – пожимаю плечами.

– В дивизионе лучше?

– Не знаю, – говорю. – Я бы лучше всего еще раз на учения съездил. Природа, чай в палатке, огонь в печке... Так бы все оставшиеся месяцы и провел.

– Понятно, – говорит Геворг. – Это у тебя преддембельский синдром. Скоро по армии скучать начнешь.

– Сплюнь, – говорю.

– Могу сплунуть. А ты, если хочешь, оставайся. Запишу тебя в наряд по кухне.

– Понятно, – говорю. – Убедил. Я пошел. А то ты со своим армянским юмором еще и вправду будущего дембеля в наряд по кухне поставишь.

Возвращаюсь в Дом Офицеров, где ведутся спешные приготовления к 23-му февраля. «Понятно, – думаю, – зачем я так срочно понадобился». Захожу в художку, где Дима корпит над огромным изображением Ордена Отечественной Войны.

– Привет, – говорю.

– О! Привет, – отвечает он, улыбаясь. – А я думал, тебя уже насовсем сослали.

– Сослали бы, – киваю, – если б я не был им больше нужен, чем они мне.

– А что ты мне это рассказываешь? Ты это им скажи.

– Скажу, не волнуйся.

– Я и не волнуюсь. Миш, ты бы кончал залупаться по поводу и без повода. Особенно с Сычевым. Или тебе неохота спокойно до дембеля дожить?

– Не то, чтоб неохота, – отвечаю, – а просто гнусно как-то. Ладно, угомонюсь. Пойдем покурим и примемся за дело.

– Другой разговор, – обрадовался Дима.

Мы направились в туалет и столкнулись по дороге с подполковником Сычевым.

– Ага, – говорит он, разглядывая меня. – Уже здесь?

– Так точно, – отвечаю спокойно.

– И куда идем?

– Курить.

– Вредная привычка. С вредными привычками нужно бороться. Заметь, Миша, я имею в виду не только курение.

– Я понимаю.

– Рад это слышать. То есть, ты осознал наконец, что спорить с начальством – крайне вредная привычка?

– Не совсем так, – говорю. – Курить, может быть, вредная привычка. А спорить с начальством – бесполезная.

Если не на учениях, то на полигоне мне довелось побывать довольно скоро – начальник политотдела привез нас туда оформлять стенды на стрельбище. Приезжаем, пятнами лежит снег, жестяные щиты гнутся под порывами ветра. Начпо говорит, что вернется за нами часа через четыре и отбывает на своем УАЗике, а мы принимаемся за работу. На первом щите кое-как изображаем доблестного советского воина с автоматом, на которого надвигается черная гидра империализма. Гидра получилась зловещей и внушительной, а вот солдат напоминал персонажей Модильяни.

– По-моему, – говорит Дима, глядя на наше творение, – он чего-то испугался.

– А ты бы не испугался на его месте? – отвечаю.

– Какой-то он у нас худенький и жалкий получился, – продолжает Дима.

– Наверное, первый год служит, – объясняю. – Холодно, давай дальше рисовать.

Мы продолжили. Наконец, приезжает начальник политотдела и принимается разглядывать нашу галерею, начиная с воина и гидры.

– Ой, мамочка, – говорит начпо. Затем качает головой и добавляет: – Сожрет она его. Как пить дать сожрет... Чтоб ваши матери вас такими рожали.

В марте в гарнизонной столовой игралась комсомольская свадьба – молодой перспективный старлей из арtpолка женился на дочери кого-то из шишек в штабе дивизии. Свадьбу – в духе времени – сделали безалкогольной. То есть, никаких бутылок на столе не было, спиртное разливали из супниц по суповым чашкам. Никогда в жизни я не видел столько пьяных, как после этой безалкогольной свадьбы.

– Охренеть, – высказался по этому поводу начальник политотдела.. – Семнадцать километров до Кореи, двадцать пять до Китая, а тут еще полгарнизона своих окосело.

Одним из самых посещаемых мест в Доме Офицеров была бильярдная. Мы, хоть и были простыми солдатами, почти все вечера проводили там и со временем недурно поднаторели в этом деле. Однажды в бильярдной появляется мой начальник штаба дивизиона, замечает меня и удивленно поднимает бровь.

– Ого, – говорит. – Какая встреча. А ты здесь недурно устроился – шары катаешь.

– Да какое-то там катаю, – отвечаю. – Так, балуюсь...

– Может, сыграем партейку? – предлагает начштаба.

– Да я, вобщем-то, играть толком не умею, – говорю.

– Ничего, я научу. Расставляй шары.

Я выстроил пирамиду, начштаба разбил. Один шар отскочил прямо в лузу.

– Видал? – говорит начштаба.

– Виртуозно, – киваю.

– То-то. Смотри и учись.

После второго его удара шар ударился о борт.

– Твоя очередь, – говорит начштаба. – Несильно подрезай шар, другой сам закатится.

– Ага, – говорю и загоняю шар в лузу.

– Молодец, – несколько удивленно говорит начштаба. – А теперь забивай свояка вон от того шара...

Словом, партию я выиграл со счетом 8:1.

– Боец, – говорит начштаба, – по-моему, ты меня обманул, что играть не умеешь.

– Что вы, товарищ майор, – отвечаю невинно. – Когда это я вас обманывал. Просто вы так хорошо всё объясняете...

– Давай-ка сыграем вторую, – говорит начштаба. – Теперь сам будешь играть, без подсказок. Разбивай.

Я вдруг ощутил такое вдохновение, которого еще никогда не испытывал – ни рисуя, ни сочиняя. Ни разу не дав майору ударить, я выиграл 8:0.

– Ну, ты даешь, боец, – говорит начштаба. – Хоть бы разок позволил любимому начальнику по шару стукнуть.

– Вы же сказали, чтоб я сам играл, – отвечаю. – Я всего лишь выполнил приказ.

– А ты не изменился, – говорит начштаба. – Не выполняешь приказ – хочется тебя покалечить. Выполняешь в точности – хочется тебя убить. Ты бы хоть не сиял так, словно чемпионат мира выиграл.

– Что вы, товарищ майор, – говорю, – какой там чемпионат мира. У меня сейчас такое чувство, будто я знамя над рейхстагом водрузил.

Другим популярным местом в Доме Офицеров был, естественно, кинозал. За второй год службы я пересмотрел кучу фильмов – от довольно неплохих до полнейшей ерунды. Однажды сидим с Димой на балконе кинотеатра, смотрим «Мы из джаза». Внезапно над нами склоняется фигура начальника политотдела.

– Недурно проводите время, – замечает начпо.

– Так ведь еще Ленин сказал, – говорю, – что важнейшим из искусств для нас является кино.

– Он это лично вам сказал? – интересуется начпо.

– Никак нет.

– Слава Богу, – говорит начпо. – А то уж я хотел было передать ему через вас свой ответ.

Начальник Дома Офицеров однажды вызывает нас к себе и говорит:

– Миша, Дима, вам известно, что в кинозале кто-то постоянно отрезает бархат от штор?

– Никак нет, – отвечаем, – неизвестно.

– Ну, так я вам об этом сообщаю. Думаете, я не знаю, что вы регулярно проводите на киносеансы своих друзей? Небось, на дембельские альбомы себе режут.

– У нас, – говорю, – культурные друзья. Они такими вещами не занимаются. Может, это крысы шторы портят?

– Ага, – отвечает Траханчук, – охренительно умные крысы в Доме Офицеров завелись. Ножницами орудуют. Короче, еще одна такая крыса напोकостит, я вас лично крысиным ядом накормлю.

В конце марта речка, протекавшая неподалеку, разлилась, поднялись грунтовые воды и подвал Дома Офицеров затопило. Мы в срочном порядке принялись эвакуировать оттуда щиты и прочее имущество. Вода стояла по колено, и меня вдруг так скрутило, что я согнулся пополам и не мог разогнуться. Начальник Дома Офицеров велел отвести меня в госпиталь.

Дима и фотограф Миша, подхватив меня с обеих сторон, повели меня по назначению. Тут навстречу нам идет комендант гарнизона капитан Кошкенов. Останавливает нас и спрашивает:

– Ну, и куда вы ведете его в этой интересной позе?
– В госпиталь, – отвечает Дима.
– Зря, – говорит Кошкинов. – Отвели бы лучше на губу. Он уже принял правильное положение, чтоб его там употребили.

Я не хотел идти к врачам и попросил ребят доставить меня к моему другу-фельдшеру Роме Жангаряну.

– Редко в гости заходишь, – попенял мне Рома. – А если заходишь, то весь какой-то скрюченный. Ты что, не рад меня видеть?

Однажды вечером начальник Дома Офицеров заходит к нам в художку, распахивает окно и кому-то командует:

– Давай!

В окне обрисовывается майор Скляр, который передает начальнику здоровенный мешок, затем влезает в окно сам, и они оттаскивают мешок в угол комнаты около двери.

– Миша, Дима, тут дрожжи, пусть они у вас постоят, – говорит майор Траханчук.

– Спасибо, – отвечаем.

– Я вам дам спасибо! – заявляет Траханчук. – Чтоб к мешку не прикасались.

Тут в окне появляется зловеще ухмыляющееся лицо начальника политотдела.

– Вечер добрый, – говорит лицо. – Что это вы тут такое интересное таскаете?

– Это... эээ... это комбикорм, – товарищ подполковник, – отвечает майор Скляр.

– Комбикорм... Я вам покажу комбикорм, – говорит начпо. – Вы у меня этого комбикорма в сухом виде накушаетесь, пока вас в хряков не раздует. И нашли же, где мешок оставлять – у художников!

– А что, товарищ подполковник? – спрашивает Траханчук.

– А ничего, товарищ майор. Вы лошадей цыганам на хранение сдавать не пробовали?

Мешок, когда его передавали через окно, в одном месте слегка порвался.

– Вот, – говорю, – товарищ майор, – смотрите. Тут порвано. Это чтоб вы не говорили, будто мы его надрезали.

– Понятно, – отвечает Траханчук. – Аккуратно зашейте.

И уходит.

– Как приятно, – говорит Дима, – каждый вечер исполнять приказ начальства. Сперва аккуратно распарывать мешок, потом аккуратно зашивать.

Двое солдат из моего полка отравились одеколоном «Сирень», оприходовав семь флаконов. К счастью, отравились они не на смерть, но резонанс вышел громким. В штаб дивизии вызвали моего полкового командира подполковника Одинцова по прозвищу Говорящая Лошадь и замполита майора Филиппова. Я как раз находился в кабинете начальника политотдела, который разъяснял очередное задание – украсить аллею от КПШ до штаба дивизии щитами с изображениями и цитатами на военно-политическую тематику. Тут в кабинет заходят Одинцов и Филиппов. Начпо принимается орать на них, поливать матом, так что мне становится неловко – всё-таки они офицеры моего полка и когда их так, мягко говоря, распекают в присутствии их же солдата, чувствовать себя должны вдвойне погано. Начпо, меж тем, поворачивается ко мне и говорит:

– Миша, ты иди взгляни на стелы, прикинь порядок чередования.

Затем снова поворачивается к Одинцову с Филипповым и заключает:

– С тобой, Говорящая Лошадь, пусть командир дивизии лично разбирается. А тебя, гребанный майор, я вообще убью нахер.

Разглядываю еще пустеющие стелы, прикидывая, что, где и как, из штаба возвращаются Одинцов и Филиппов. После всего, чему я стал невольным свидетелем, мне меньше всего хочется встретиться с ними взглядом, но укрыться, к сожалению, негде. Филиппов сам окликает меня:

– Что, Миша, небось, в политотделе тебя уже на руках носят?

– Так точно, – отвечаю, – носят. По четным дням начпо, по нечетным его заместитель.

– Смотри, боец, сам ходить не разучись, – мрачно замечает Одинцов. – Если они тебя вдруг пошлют на три веселых буквы, своим ходом придется добираться.

В конце марта вышел приказ министра обороны об увольнении и призыве и мы стали дембелями. В связи с этим начпо поставил перед нами сразу две задачи: оформить кафе Дома Офицеров в качестве дембельского аккорда и найти себе замену. Кафе должно было называться «Алые погоны», но мне это показалось скучным и я переименовал его на эскизах в «Алые паруса».

– Неплохо, – заметил начальник политотдела, просматривая эскизы. – Я бы даже сказал, красиво. Только откуда взялись паруса вместо погон? У нас всё-таки мотострелковая дивизия, а не корабельная эскадра.

– Ой, – говорю в притворном ужасе, – извините, Владимир Иванович, неправильно прочел. Зато смотрите: витражи с рыбками и водорослями над буфетной стойкой, зодиак на потолке, морской пейзаж во всю стену, на окнах борта лодок вместо карнизов и сети вместо занавесок...

– Можешь мне ничего не объяснять, – обрывает меня начпо. – Я за этот год и так понял, что ты хулиган и исключительно ловкий прохвост. Пусть будут «Алые паруса».

Замену в основном искал я, а Дима нахально шланговал. Первого художника я отыскал в ремонтной роте. Звали его Юра Лисицын, родом он был из Днепропетровска.

– Не хочу обнадеживать, – говорю, – но шансы у тебя неплохие. Начпо тоже родом с Украины. Правда, с Западной.

Вернувшись в Дом Офицеров, докладываю начальнику политотдела:

– Товарищ подполковник, я замену нашел.

– Национальность? – требует начпо.

– Украинец, – говорю.

– Фамилия! – восклицает начпо.

– Лисицын.

– Какой же это украинец, – разочарованно заявляет начпо. – Это какой-то китаец. Ли Си Цын.

Второго кандидата начальник политотдела также отверг. Это был очень славный парнишка по имени Алишер, родом из Узбекистана.

– Узбека не возьму, – заявил начпо, одержимый, видимо, капризами весеннего настроения. – Пусть в повара идет.

– Владимир Иванович, – говорю, – вы бы на него посмотрели. Какой он повар? Интеллигентный мальчик, умное, одухотворенное лицо...

– Если одухотворенное, значит, бухает. А умного лица мне больше не надо – я уже твоим сыт по горло.

– Но ведь были же у вас художники-казахи?
– Вот именно, – говорит начпо. – Ты видел, как они Маркса с Лениным изобразили?
– Хорошо изобразили, – говорю. – Очень похоже.
– Может, и похоже, – заявляет начпо, – но зачем же из вождей пролетариата двух казахов делать? Их бы перерисовать надо, а в кого их перерисует твой протеже? В двух узбеков?

В апреле в наш гарнизон пожаловал сам командующий округом генерал армии Язов, будущий министр обороны. Гарнизон охватила нездоровая суэта, высшие и нижние чины в парадной форме начали стекаться в Дом Офицеров. Среди них мы узнали нашего старого знакомого майора Пунделя, замполита ОБМО.

– Здравствуйте, товарищ майор, – говорим. – А что, Язов уже прилетел?
– Прилетел, – неприязненно отвечает Пундель. – И сразу в столовую пошел. Жрать захотел, пес помойный. В вертолете, небось, корзину бутербродов умял, сейчас в столовой догонится, а в обеденное время будет шастать по гарнизону и говорить: вот, мол, все офицеры харчеваться ушли, один я без обеда работаю.

Язов должен был выступать в зале Дома Офицеров. Мы установили трибуну и микрофон, подключив его к динамикам и усилителю, но тот почему-то барахлил. Нашли новый микрофон. Зал начал понемногу заполняться офицерами. Дима стоял за трибуной, я, в углублении перед сценой, крутил ручки усилка.

– Нормально? – спрашиваю.

– Чуть уменьшь.

– Угу... А сейчас?

В ответ последовала тишина. Поднимаю голову – Дима куда-то исчез, на его месте возвышается командующий округом. Наши взгляды, как говорится, встретились.

– А что здесь делают солдаты? – удивленно спрашивает Язов, обращаясь не ко мне, а ко всему залу. – Пусть солдаты идут... – И уточнил куда.

«Так, – думаю, – одна ответная реплика – и два года твоей службы закончатся быстрым и печальным образом».

Сжав зубы, иду через зал к выходу. Добредя до задних рядов, где сидели офицеры гарнизона рангом пониже, роняю вполголоса:

– А чего мне туда ходить, товарищ генерал? Всё равно мы там вдвоем не поместимся.

Какой-то капитан тихонечко прыснул. Я вышел из зала.

После совещания отыскивает меня старший лейтенант Ратушняк.

– Что, – спрашивает с довольным видом, – послал тебя Язов на хер?

– Все там будем, – отвечаю мрачно. – Он, между прочим, не меня, а всех солдат на хер послал. Если, не дай Бог, что случится, придется ему без них воевать.

Наш дембельский аккорд, меж тем, продвигался. Начпо стал приводить в кафе коллег из штаба и хвастать нашей работой. Однажды он пришел в сопровождении командира дивизии полковника Романенко.

– Красиво, – заметил тот. – Очень впечатляет, Владимир Иванович. А почему «Алые паруса»? Мы ведь мотострелки, а не морфлот.

– Об этом, Николай Викторович, лучше у художников спросить, – отвечает начпо. – Лично я с ними уже опасаюсь спорить.

Комдив выжидательно глянул на нас.

– Понимаете, товарищ полковник, – говорю, – если б мы морфлотом были, корабельная темптика не подошла бы. Море для моряков не отдых, а работа. А у нас наоборот. Публика в основном сухопутные офицеры. Пусть хоть в кафешке от мотострелковой атрибутики отдохнут.

– Борзо, но разумно, – говорит комдив. – Дембеля?

– Ага, – отвечаю. – То есть, так точно.

– Советую вот этого, – комдив кивнул на меня, – отправить первым. Пока он не объяснил нам, почему в петлицах нужно носить гладиолусы, а по плацу передвигаться балетным шагом. С него, как я погляжу, станется.

Наконец-то мне удалось найти замену – паренька из Новосибирска по имени Вадик, который служил во втором батальоне моего полка. Начпо то ли устал привередничать, то ли Вадик ему приглянулся.

– Мужики, с меня простав, – пообещал Вадик.

– И чем ты собираешься проставляться? – говорю. – Пряниками и соком?

– Обижаете. Хотите, достану дрожжи и сахар на бражку?

– Вадик, – говорю, – если б ты был Дедом Морозом, ты бы детям кондитеров приносил пирожные, а детям шахтеров уголь. У нас в художке полный мешок дрожжей стоит. Вадик глянул на нас растерянно и говорит:

– Может, вам сахару принести?

К нам в художку приходила куча всякого народу – и военных, и гражданских. Зачастил и шестнадцатилетний сын майора Пунделя Серега с приятелями. Рот у него не закрывался, болтал он про то, что нужно и что не нужно. Похвастал, что у его отца имеется тайный склад, где хранятся листы оргстекла, ДСП, а также три бочонка клея ПВА. После его ухода я говорю Диме:

– Какой хороший мальчик.

– Чем это он такой хороший? – спрашивает Дима.

– Тем, что он, кажется, объяснил нам, где мы раздобудем парадки на дембель.

Когда мы, встретив Пунделя-старшего, намекнули насчет парадок, он покачал головой и заметил:

– Ребятки, я всегда знал, что у вас борзомер зашкаливает, но на этот раз у вас стрелка пограничный штырек снесла. С какого хрена сорвавшись я вам должен парадки доставать?

– Ну, вы же всё можете достать, – говорит Дима. – Вон у вас и ДСП, и оргстекло, и три бочонка ПВА...

Пундкль переменился в лице и говорит:

– Какая гнида насвистела?

– Родина, – отвечаю, – своих агентов не выдает.

Майор зыркнул на нас мрачно и спрашивает:

– Какой размер?

– Ладно, – говорю, – товарищ майор, мы пошутили. Вы же не думаете, что мы стали бы вас кому-то закладывать.

– Какой размер? – повторяет Пундель.

– Так вы нам достанете парадки?

– Ну, я же с вами тогда за ленкомнаты не рассчитался, сам шампанское выпил. Ну? Мне в третий раз насчет размера спрашивать?

Кафе уже было почти готово, когда у меня вдруг вздулись все пальцы от нитрокраски, которая, видимо, проникла под кожу. Я бросился в госпиталь к Роме Жангаряну.

– Рома, – говорю, – спасай. Дембель под угрозой.

Рома глянул на мои пальцы и хихикнул.

– Ты чего, – говорю, – хихикаешь, сволочь?

– Ты, – отвечает Рома, – похож на надувного человечка из мультика. Не бойся, не весь похож. Только руки похожи.

– Спасибо, – говорю.

– Пожалуйста, дорогой. Это я чтоб ты от злости боль не так чувствовал. Сейчас резать буду. Может, тебе спирту дать глотнуть?

– Потом, – говорю. – Когда дорежешь.

Рома на удивление искусно вскрыл все опухоли ножницами, затем обмотал мне пальцы бинтами.

– Не больно? – спрашивает.

– Не больно, – говорю. – Спасибо тебе.

– Не за что. Так будешь спирт?

– Буду. Только водой разбавь, а то он горло жжет.

Рома посмотрел на мои забинтованные пальцы, снова хихикнул и говорит:

– А ты неженка.

Наконец, мы закончили оформление кафе.

– Молодцы, – говорит начпо. – Сделано на пятерку с минусом.

– А за что минус? – спрашиваю.

– Минус, – поясняет начпо, – это ваши дни до дембеля. Чтобы вы за это время с безделья ничего такого не натворили. Так что он с каждым днем будет сокращаться, а когда вы уедете, останется одна пятерка.

Мы решили не откладывать с тем, чтоб чего-нибудь натворить, и отметили окончание работ бражкой. Когда, как нам казалось, мы уже были хороши, Дима вдруг спрашивает:

– Миш, а ты чё после армии делать будешь?

– Бороться со всем миром за мир во всем мире, – отвечаю.

– Нифигасе, – говорит Дима. – Кажется, мы мало выпили. А то б ты такую фразу не выговорил.

Майским утром курю возле Дома Офицеров. Мимо проходит начальник политотдела, с усмешкой глядит на меня и роняет:

– Странно. Очень странно. Неужели на дембель совсем не хочется?

– Почему же, – отвечаю. – Хочется, товарищ подполковник.

– А чего не едешь?

– Жду, пока лошадь подкуют.

– Молодец. Тогда дождись лошади и скачи на ней в строевую часть своего полка. Твоя партия отбывает сегодня в восемь вечера.

– Вы серьезно? – спрашиваю.

– А я что, на шутника похож? Я с тобой конкурировать не собираюсь.

– Товарищ подполковник, – говорю с упреком, – что ж вы мне вчера не сказали? Я бы...

– Я знаю, что ты бы. Ты бы отвальную в Доме Офицеров устроил. Мне это надо? Мне это не надо. И тебе, кстати, тоже. Так что скажи спасибо, что едешь на дембель свежий и бодрый, а не с похмелья.

Я быстро сходил в строевую часть, оформил документы, затем направился в штаб дивизии, попрощался с начпо. Спускаюсь вниз, сталкиваюсь с подполковником Сычевым.

– Тебя можно поздравить? – говорит он.

– Можно, – отвечаю.

– Тогда поздравляю. Будь добр, зайди ко мне на пару минут.

Мы зашли к нему.

– Чаю хочешь? – спрашивает Сычев.

– Не откажусь.

Он вскипятил чайник и разлил чай по стаканам.

– Послушай, – говорит, – я, честно говоря, всегда неплохо к тебе относился. Как бы это странно ни прозвучало. Не хочется выглядеть мудрым наставником, но мой тебе совет: не стоит всегда плыть против течения. Увлечешься и не заметишь, как проплывешь мимо нужного места.

– Спасибо, товарищ подполковник, – отвечаю. – Я особенно не плыву против течения. И по течению тоже не плыву. Я даже не плыву туда, куда мне нужно. Я, наверное, плыву туда, куда мне весело плыть.

Возвращаюсь в художку, где сидят Дима, Вадик и Димин земляк Андрюха, новый водитель начальника политотдела..

– Господа, – говорю, – у меня для вас приятное известие: очень скоро вы не увидите рядом с собой моей гнусной физиономии.

– На дембель, что ли, уходишь?

– Ухожу.

– И когда?

– Сегодня. Начпо сказал.

– Ничего себе, – говорит Дима. – А я?

– А ты, – отвечаю, – слишком хорошо служил. Тебя на третий год оставляют.

– Я бы и четыре прослужил, – заявляет Дима, – если б знал, что тебя на пять оставят.

«Странно, – думаю, – вроде и дембель сегодня, и шутят все, а на душе почему-то грустно».

Оказалось, что я произнес эти мысли вслух, потому что Дима тут же на них отреагировал:

– У тебя не грустно, у тебя паскудно должно быть на душе, потому что ты, гад, отвальную зажал.

Часов в пять вечера я переоделся в парадку, попрощался с начальством и другими работниками Дома Офицеров, вернулся к ребятам и говорю:

– Ну всё. Пора. Мне еще нужно в несолько мест забежать попрощаться.

Мы обнялись, они говорят:

– Неужели просто так уйдешь?

– Нет, – говорю, – просто так не уйду.

И вместо того, чтобы направиться к выходу из Дома Офицеров, открываю окно художки и вылезаю на улицу через него.

– Всё, – говорю, – вот теперь – пока. Не плывите, куда вам нужно, плывите, куда вам весело плыть.

Из части наша дембельская партия доехала на автобусе до Артема, переночевала в палатках, наутро вылетела в Братск, а из Братска в Ташкент. По дороге я познакомился с Серегой, пареньком из Запорожья, который также служил в моем полку. Мы устроились рядом в плацкартном вагоне поезда Ташкент-Москва. Тут в вагон завалила шумная ватага

«афганцев» в тельняшках и голубых беретах. Двое из них – темноволосый крепыш и рыжий с нахальной физиономией – подкатили к нам.

– Ну чё, братва, даешь по рублю отслужившим воинам-интернационалистам? – заявляет рыжий.

– Отвали, – говорю.

– Ни хрена себе расклад! – удивляется рыжий. – Мы за них в Афгане кровь проливали, а когда возвращаемся, нам вместо спасибо «отвали»?

И очень умело заезжает мне локтем в подбородок.

– Нормально, – говорю. – Нужно было дождаться дембеля, чтоб отхватить по роже.

Встаю и бью рыжему ответно в скулу. Тот кидается на меня, но темный крепыш оттирает его в сторонку.

– Всё, – говорит. – завязывай. Нормальные ребята. Извините, пацаны, перемкнуло. Вас как зовут?

– Миша.

– Сергей.

– А меня Семен. А вон того нервного – Федька. Есть предложение. Ехать дня три, не меньше. Может, скинемся на пару-тройку пузырей?

– Согласен, – говорю. – А то я на дембель без отвальной ушел.

– Во! – говорит Семен. – Исправим недоразумение.

Мы скинулись, купили у проводника водки, разлили по стаканам.

– Ну что, – говорит Семен, поднимая стакан, – за тех, кто в сапогах?

– И в лапах, – подхватываю.

– Чего? – не понял Семен.

– За водолазов тоже выпить надо, – поясняю. – А то им на дне темно и страшно.

– Да, – задумчиво произносит рыжий Федька. – Зря ты, Сёмыч, не дал мне второй раз ему по роже съездить. Теперь придется за водолазов пить.

Мы с Серегой вышли на станции Ртищево-2, он взял билет до Харькова, чтобы оттуда пересесть на запорожский поезд, а я прямой до Киева. На прощание мы обнялись и даже расцеловались, хотя были едва знакомы. Наверное, потому что прощались не только друг с другом, а со всеми и всем сразу – и с дурным, и с хорошим, и с нелепым, и со страшным, и с пронзительным, и потому незабываемым.

В вагоне я подошел к проводнице и попросил чаю.

– На дембель едешь? – поинтересовалась та, наливая мне кипяток из титана.

– Ага, – говорю.

– А чего невеселый такой?

– Устал.

– Оно и понятно. За два года можно устать.

– Эт точно, – говорю, улыбнувшись.

– Ну вот, – удивляется проводница. – А теперь вдруг развеселился.

– Это у меня от злорадства, – говорю. – Я о матросах подумал. Им три года служить.

За две недели до дембеля я отправил родным посылку с соленой чавычей, которую купил за червонец у местного браконьера. Когда я вернулся домой, посылка была еще в пути. Прошло еще несколько недель, а посылка так и не прибыла. Наконец, месяц спустя, пришло уведомление с почты. Я отправился туда, вернулся с посылкой и вскрыл ее на кухне.

– Это что? – поинтересовалась мама, приняюхиваясь.

– Чавыча, – отвечаю. – Я вам с папой ее из армии послал. Сам-то я рыбу не очень...

– По-моему, – говорит мама, – она испортилась.

– Ну вот, – говорю, – последний привет из армии. И тот протух.